

шой футляр, содержащий, казалось, музыкальный инструмент (Набоков 2000, 4: 145–146).

В раскрывшемся футляре, на черном [11] *бархате*, лежал широкий, светлый топор (Набоков 2000, 4: 147).

А после обеда, совершенно официально, уже не в арестантском платье, а в [12] *бархатной* куртке, артистическом галстуке бантом и новых, на высоких каблуках, вкрадчиво поскрипывающих сапогах с блестящими голенищами (чем-то делавших его похожим на оперного лесника) вошел м-сье Пьер, а за ним, почтительно уступая ему первенство в продвижении, в речах, во всем, — Родриг Иванович и, с портфелем, адвокат (Набоков 2000, 4: 152).

Она была румяна, выбился сзади гребень, вздымался темный лиф черного [13] *бархатного* платья, — при этом что-то не так сидело, это ее делало кривобокой, и она все поправляла, одергивалась или на месте быстро-быстро поводила бедрами, как будто что-то под низом неладно, неловко (Набоков 2000, 4: 168).

М.А. Кронгауз

“НОВАЯ НУМЕРОЛОГИЯ”, ИЛИ МОДА НА ЧИСЛА

Числа сегодня

СЛЕДУЕТ СРАЗУ ОГОВОРИТЬ, что эта статья не о традиционной нумерологии и предназначена не для ценителей скрытых в числе смыслов. Слово “нумерология” тем не менее используется в названии, поскольку речь далее пойдет в том числе и о некоей новой концепции использования числа в современном тексте и, шире, в современной жизни. Эта концепция по существу в готовом виде предложена Виктором Пелевиным в его романе “Числа”, входящем в книгу “Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда”.

Настоящая статья в свою очередь посвящена обсуждению этой концепции, а также описанию функционирования чисел в различного рода названиях. В основном это названия культурных объектов в самом широком смысле этого слова — от романов и фильмов до выставок, клубов и даже коктейлей. Объединяет их, пожалуй, только одно: в подавляющем большинстве речь идет о модных культурных объектах — модных романах, модных фильмах и т. д. Эту же мысль можно сформулировать и несколько иначе. Сегодня мы можем говорить об определенной моде на числа или, по крайней мере, моде на числа в названиях. Соответственно, модные объекты получают модные названия. Однако подтвердить наличие такой моды достаточно трудно. Она не обсуждается ни в научных, ни в популярных изданиях. Можно лишь привести примеры названий, включающих в себя числа или целиком состоящих из них, и показать, насколько частотными они стали сегодня.

Начнем с самого простого — с названий, состоящих исключительно из обозначения года или включающих его. В прошлом веке такое название имел роман Дж. Оруэлла “1984”. Несмотря на то, что XXI в. только начался, мы уже имеем романы на русском языке Мерси Шелли “2048”¹, Сергея Доренко “2008” и

Ольги Славниковой “2017”. К ним можно добавить фильм Вонг Карвая “2046” и телепередачу Александра Гордона “2030”.

Кроме них следует упомянуть названия произведений, включающих в себя указание года, но распространенных за счет других слов: роман Дмитрия Глуховского “Метро 2033”, а также книги Алессандро Барикко “1900. Легенда о пианисте” и Владимира Войновича “Москва 2042”. В двух последних происходит как бы переименование дат публикации и собственно действия. Название романа Барикко отсылает к XX в., а сам роман издан в XXI-ом. Напротив, роман Войновича опубликован в XX в., но его название отсылает к XXI-ому.

Во всех приведенных примерах год обозначался цифрами, и это принципиальный факт. Хотя данное исследование посвящено числам в целом, речь пойдет именно об их цифровом присутствии в тексте, т. е. в виде цифр. Более того, можно сказать, что некоторые авторы не всегда строго различают число и цифру, например, говоря о числе, производят некоторые пространственные операции с его цифровым изображением. В связи с передачей числа посредством цифр встает еще одна важная проблема, которая будет обсуждаться в дальнейшем: “Как правильно прочесть цифровую запись, с помощью количественного или порядкового числительного?”

Очевидно, что подобные числа в названии интерпретируются довольно просто. Во-первых, в них сразу угадывается обозначение года, во-вторых, их содержание, как правило, связано с этим годом. Обычно действие произведения происходит в соответствующем году или, как в футурологической передаче А. Гордона, обсуждается некий прогноз примерно на двадцать с лишним лет вперед, т. е. условный 2030 год.

Можно вспомнить и другие названия недавних литературных произведений и фильмов, содержащих число, записанное цифрами. Среди них:

- роман Арсена Ревазова “Одиночество-12”;
- элегия Виктора Пелевина “Элегия 2” (из книги “Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда”);
- сценарий Ивана Охлобыстина “Параграф 78” и его роман “XIV принцип”;

- роман Владимира Сорокина “23 000”;
- фильм Ильи Хржановского “4” (по сценарию В. Сорокина);
- фильм Николая Хомерики “977”;
- книга Анны Старобинец “Убежище 3/9”.

В этом ряду стоит упомянуть также название бара — “7”.

Некоторые из этих чисел легко интерпретируются, например, в романе В. Сорокина число 23 000 обозначает количество людей определенного вида. Некоторые допускают множественную интерпретацию, некоторые, по-видимому, не допускают никакой. Интересно также отметить, что даже существующая интерпретация не всегда лежит на поверхности, а может открываться лишь в результате определенного анализа. Вот что, например, пишут М. Кошель и И. Кукулин в рецензии на книгу В. Пелевина:

«Прологом к книге является стихотворение “Элегия 2”, но его эпиграф относится и ко всей книге в целом:

“Вот так придумывал телегу я
О том, как пишется элегия”.

Эпиграф позволяет определить, почему “Элегия” имеет номер два. Две приведенные строки — вариация на тему эпиграфа к “Элегии” Александра Введенского:

“Так сочинилась мной элегия
О том, как ехал на телеге я”.

“ДПП (NN)” — это “телега”, то есть занимательная история/теория “о том, как пишется элегия”, — о литературном творчестве» (НЛО. 2003. № 64).

“Новая нумерология” по Пелевину

Кажется, что этих примеров достаточно, чтобы продемонстрировать высокую частотность чисел в современных названиях. Впрочем, далее будут приведены и другие примеры. Современная наука практически не занималась подобными явлениями и никак не объясняет такой частотный всплеск. Пожалуй, единственное подробное объяснение сегодняшнего интереса к числам и даже в более широком контексте (т. е. речь заведомо идет не

только о названиях) содержится в уже упомянутом выше романе В. Пелевина “Числа”². Он, собственно, и посвящен роли чисел в жизни современного человека. В романе происходит постоянная игра с числами. Можно привести один, пожалуй, самый яркий пример. Все главы помечены числами, но это не порядковый номер главы, а скорее ее название (за исключением, возможно, первой главы). Во второй по порядку главе “17” речь идет о семнадцатом дне рождения. В следующей главе “43” — о числе 43 и т. п. Название же “34” встречается в романе неоднократно.

Одна из основных коллизий романа заключается в поиске героем хорошего числа, которое смогло бы защитить его, а также во взаимодействии выбранного им числа с другими числами, хорошими и плохими, и числами других людей.

Важно отметить, что традиционная нумерология в основном имеет дело с однозначными числами от 1 до 9 (иногда путая их с соответствующими цифрами). Пелевин же ориентируется прежде всего на большие числа, не имеющие поэтому никаких культурных коннотаций. Впрочем, сам процесс обращения героя по имени Степа к большим числам происходит постепенно. Чтобы не пересказывать роман, приведу несколько пространных цитат. Итак, роман начинается со следующего абзаца:

“Идея заключить с семеркой пакт созрела у Степы Михайлова тогда, когда он начинал понемногу читать и задумываться о различиях между полами. Первые формы этого альянса были примитивными. Степа рисовал семерки разного вида на разные случаи жизни. Например, большая и пустотелая, во всю страницу, защищала от тех ребят, которые были старше и сильнее. Четыре заостренные семерки, расположенные по углам листа, должны были остановить буйных соседей по палате, которые имели привычку подкрадываться во время тихого часа, чтобы ударить подушкой по голове или положить прямо перед носом какую-нибудь гадость. Однако несколько досадных происшествий, от которых семерки должны были защитить, показали, что этот метод не подходит” (с. 8).

И в дальнейшем отношения героя с семеркой, представляющей традиционные ценности (с точки зрения нумерологии) не складываются, чему он находит здравое объяснение:

“Семерка была всеобщей избранницей. К ней обращались все — британские суперагенты, сказочные герои, города, стоящие на семи холмах, и даже ангельские иерархии, имевшие привязанность к седьмому небу. Семерка была избалованной и дорогой куртизанкой, и неудивительно, что скромные Степины ухаживания оставались без ответа. Но она была не единственной цифрой на свете” (с. 11).

Переход к более крупным числам описывается следующим образом:

«Однако Степа, наученный печальным опытом, не спешил выбрать какую-то другую. Он догадывался, что, к какой цифре ни повернись, в мире найдется много людей, сделавших тот же выбор. А чем больше у него будет конкурентов, тем меньше шанс, что выбранная цифра откликнется на его волхования или хотя бы догадается о его существовании. С другой стороны, логика подсказывала, что двузначные и трехзначные числа не так избалованы вниманием.

Степа интуитивно чувствовал, что цифры от единицы до девятки были могущественнее двузначных чисел, а двузначные — сильнее трехзначных, и так далее. Но ему запали в душу слова Цезаря, услышанные на уроке истории, — “лучше быть первым в галльской деревушке, чем последним в Риме” (учительница оговорила, сказав “лучше быть первым в Риме, чем последним в галльской деревушке”, но Степа понял, что это ошибка, потому что для Цезаря это звучало бы слишком самодовольно). И он принялся подбирать галльскую деревушку поспокойнее.

После долгих размышлений он остановил выбор на числе “34”» (с. 11–12).

В этом решении его укрепил и случай в кино, когда на спинке кресла он увидел надпись:

«Перед ним чернела жирная надпись несмываемым маркером: “САН-34”. Что такое “САН”, он не знал — может быть, группа в каком-нибудь учебном заведении или что-нибудь в этом роде. Зато он хорошо знал, что такое “34” <...> После этого случая стало окончательно ясно, что пакт, о котором он мечтал с детства, заключен» (с. 16).

В течение действия появляются не только “хорошие” числа (34, а затем 60), но и “плохие”, которые получаются с помощью определенных пространственных перестановок цифр: 43 (оппонент для 34) и то ли 06, то ли 09 (для 60). Соответственно, носители или любители этих чисел оказываются опасными для Степы. Интересна связь этих магических чисел с их конкретной реализацией. Степа последовательно проверяет неприятные для своей любовницы числа:

«Что касается перевернутого “66” — числа “99”, — то к нему Мюс, похоже, была равнодушна. Степа проверил это во время благотворительной акции по уходу от налогов под названием “99 детей Нечерноземья”, которую Мюс помогла организовать. Ни позитивной, ни негативной реакции он не заметил. Это радовало. Будь у Мюс проблема с числом “99”, витрина любого магазина, где идет распродажа, ввергала бы ее в депрессию. Шагать по жизни рядом с таким уязвимым человеком означало бы сделаться уязвимым самому» (с. 77).

В любом событии герой ищет и находит различные числа и корректирует свое поведение в зависимости от них. Именно таким образом он занимается и бизнесом, и даже преуспевает в нем.

В. Пелевин объясняет это следующим образом:

“Эпоха и жизнь были настолько абсурдны в своих глубинах, а экономика и бизнес до такой степени зависели от черт знает чего, что любой человек, принимавший решения на основе трезвого анализа, делался похож на дурня, пытающегося кататься на коньках во время пятибалльного шторма. Мало того, что у несчастного не оказывалось под ногами ожидаемой опоры, сами инструменты, с помощью которых он собирался перегнуть остальных, становились гириями, тянувшими его ко дну. Вместе с тем повсюду были развешены правила катания на льду, играла оптимистическая музыка, и детей в школах готовили к жизни, обучая делать прыжки с тройным оборотом.

Степа же следовал закону, о котором мир не имел никакого понятия. От броуновских частиц, которые металась в поисках наикратчайшего пути и в результате проводили свой век, вращаясь в бессмысленных водоворотах, он отличался тем, что траектория его жизни не зави-

села от калькуляций ума. От был как разумный человек среди диких зверей, которых гнал куда-то инстинкт. При этом дикими зверями остальных делало как раз стремление поступать как можно обдуманней, а его в разумного человека превращало то, что вместо путаных указаний рассудка он раз за разом подчинялся одному и тому же иррациональному правилу, о котором не знал никто вокруг. Это была самая настоящая магия, и она была сильнее всех построений интеллекта” (с. 27–28).

Здесь можно подвести итог и описать основные диагностические характеристики “новой нумерологии” по Пелевину³.

Во-первых, в отличие от нумерологической традиции она оперирует как раз большими числами (двузначными) и потому, как уже сказано выше, не имеющими устойчивых культурных коннотаций. Интересно, что переход от однозначных чисел к двузначным имеет место в реальном мире, например в спорте. В командных видах спорта каждый член команды имеет свой собственный номер, который становится его символом, так что можно говорить о постоянной связи человека и номера. Переходя в другую команду, спортсмен старается сохранить свой номер, а если тот занят, выбрать чем-то похожий на него. Но если раньше количество номеров в футбольной команде ограничивалось одиннадцатью (от 1 до 11), а в хоккее двадцатью с небольшим, то сейчас знаменитые игроки выбирают себе большие номера (77, 99 и т. п.), которые еще не ассоциируются ни с каким другим спортсменом.

Во-вторых, сама связь числа и явления в “новой нумерологии” культурно никак не обусловлена. Более того, можно говорить о произвольности и даже натянутости этой связи. Подгонка события под число или вычитывания числа из события в Степиной интерпретации кажутся абсурдными и смешными. Здесь можно было бы развить эту тему и говорить о том, что “новая нумерология” по существу является постмодернистским издевательством над традиционной нумерологией, но это уведет нас слишком далеко.

В-третьих, несмотря на произвольность и абсурдность, “новая нумерология” работает как некая прикладная наука (или, ес-

ли хотите, лженаука) или, иначе говоря, как руководство к действию. Такое руководство дает определенный положительный эффект, и не только психологический. Абсурдность “новой нумерологии” противостоит абсурдности современного мира и помогает упорядочить его некоторым, пусть случайным, образом.

Конструкция с числом

Предложенная Пелевиным и разобранный выше концепция реализуется даже на уровне синтаксических конструкций. Ключевую роль в жизни героя Пелевинского романа сыграла надпись на спинке кресла: “САН-34”. Герой романа не мог понять ее действительного значения, однако постфактум дал ей исчерпывающую интерпретацию. Став банкиром, он назвал свой банк “Санбанком”, а соответствующее число стало его покровителем. Таким образом, мы имеем дело с очевидно бессмысленным или, мягче, неинтерпретируемым названием, которое получает от случайного читателя (в данном случае Степы) новую интерпретацию. Можно предположить здесь и некое утерянное звено. Некто записал “САН-34”, имея при этом что-то в виду. Далее этот смысл был утерян, а на основании записанного он не восстанавливается. Поэтому любой читатель может вчитать в него что угодно. Свое особое значение вчитал в него и герой романа.

Сама эта конструкция представляет особый интерес и, безусловно, ярко демонстрирует моду на числа. Более того, саму эту конструкцию следует признать модной. Формально ее можно описать следующим образом. На письме она представлена именем существительным (в том числе и аббревиатура) и числом, записанным цифрами. Между существительным и числом может находиться как дефис, так и пробел. При прочтении числу соответствует количественное числительное. Нельзя назвать эту конструкцию абсолютно новой. Ранее, однако, она была довольно редкой, поскольку в русском языке во многих ситуациях предпочитается порядковое числительное (и часто с препозицией). Например, “Ричард III” читается как “Ричард третий” и, тем самым, не относится к рассматриваемому случаю.

С некоторым упрощением можно сказать, что ранее были возможны всего три семантических интерпретации.

— Механизм и номенклатура: (танк) Т-34, (самолет) Ту-134, Темп-3 и т. п.

— Событие, или место, и год: Олимпиада-80, роман В. Войновича “Москва 2042” и т. п.

— Населенный пункт и номер: Армавир-9, Арзамас-16, Горки-10, Шереметьево-2 и т. п.

Кстати, даже в первом случае могло появляться порядковое числительное, часто сопровождаемое опущением существительного: четыреста седьмой (о “Москвиче-407”), шестисотый (о “Мерседесе 600”).

Однако под влиянием английского языка семантика этой конструкции начала расширяться. Приведу лишь самые известные примеры: роман Дж. Хеллера “Уловка 22”, вещество “Лед 9” в романе К. Воннегута, гонки “Формула 1”, так называемые сиквелы (продолжения фильмов) “Крик 2”, “Пила 2” и т. п., а также знаменитый “агент 007” — Джеймс Бонд.

Сегодня так уже может называться что угодно: галерея А-3; клуб Б2; спектакль “Доктор-шоу, или Кабаре-03”; коктейль Б-52; выставка Электронный вуду — 2; телевизионная передача Кремль-9; концерт “Скажи Ой 2”; авиакомпания “S 7” (ранее “Сибирь”); “Радио 7”; роман А. Ревазова “Одиночество-12”.

Иногда число имеет прозрачную интерпретацию, например, в спектакле “Доктор-шоу, или Кабаре-03” цифры 03 очевидным образом обозначают номер телефона скорой помощи. В других случаях интерпретация числа не так очевидна, а иногда и не единственна. Например, в галерее А-3 это скорее всего формат бумаги, а в случае “Радио 7” — это можно интерпретировать и как радио на семи холмах, и как трансляция семь дней в неделю (в соответствии с рекламным слоганом).

Название телевизионного сериала “Кремль-9” также не случайно, но приводимое в аннотации на сайте первого канала объяснение, конечно же, не может быть известно зрителю: «“Девятка” — это бывшее 9-е управление КГБ СССР, которое обеспечивало охрану и безопасность высших должностных лиц страны. Все фильмы основаны на подлинных архивных документах спец-

служб, уникальных кино, видео и фотодокументах, а также свидетельствах очевидцев описываемых событий».

На радио “Эхо Москвы” в передаче, посвященной авиакомпании, был объявлен конкурс на лучшую интерпретацию сочетания “S 7”, что фактически подразумевало, что у владельцев такой интерпретации либо нет, либо они готовы ее дополнить другими.

Конструкция эта стала настолько модной и частотной, что пародируется в опять же модном журнале “Крокодил”: Сбылась мечта — 3, Дедушка возвращается — 2, В глубокой заднице — 8.

Наиболее откровенно объяснение семантики этой конструкции дано в разговоре персонажей романа “Одиночество-12”⁴:

- «— Вот и создалась концессия, — сказал Антон.
 — Надо как-то ее назвать, — предложил я.
 — “Дейр-Эль-Бахри”, — предложил Матвей. — Жестко. Серьезно.
 — Серьезно, но хрен выговоришь, — возразил я. — Давайте лучше “Одиночество”. Это слово мы еще не расшифровали.
 — Слишком грустно, — покачал головой Матвей. — И не круто.
 — “Одиночество-12”, — сказал Антон. — Грусти — меньше, крутизны — больше.
 — Почему 12?
 — Просто так. Лучше звучит. Как Catch 22. Или Ми-6. И вообще, двенадцать — счастливое число.

Все согласились, хотя Мотя проворчал, что ему это больше напоминает не Ми-6, а Горки-10» (с. 75).

Для числа 12 вообще не предусмотрено никакой интерпретации, появляется же оно в названии совершенно случайным образом, для “крутости”, а фактически “под иностранным влиянием” (см. указание на уже упоминавшийся роман Дж. Хеллера “Catch 22” и английскую разведку Ми-6). В этом романе числа вообще играют самостоятельную роль, например, герою, хозяину рекламного агентства, заказывают рекламу и продвижения нескольких слов и одного числа:

«— Я не понял, — честно сказал я. — Вы хотите, чтобы мы везде, где сможем, размещали слова “Дейр-Эль-Бахри”, “Калипсол”, “Оди-

ночество” и вот этот набор цифр “222461215”? В прессе, на телевидении, на радио, в интернете? Как можно чаще?»

— Вот именно, — ответил он. — И за это я плачу вам деньги» (с. 30).

Позднее это число получает различные интерпретации.

Подводя итог, можно сказать, что число в современном тексте проходит все этапы, с одной стороны, десемантизации, с другой стороны, насыщения смыслом. Точнее говоря, сначала происходит семантическое опустошение числа, когда первоначальное значение либо постепенно утрачивается, либо изначально неизвестно адресату текста. В предельном случае оно и не предполагается (см. цитату из романа “Одиночество-12”), т. е. цифровую запись можно рассматривать как иероглиф, используемый только ради его звучания, но не значения. Однако в дальнейшем возможно вчитывание различных интерпретаций, имеющих в общем равные права на существование. Таким образом, можно сказать, что число в современном тексте принципиально используется как полисемичный знак с неограниченным количеством значений.

- ¹ Псевдоним Алексея Андреева, используемый им в интернете. Впрочем, в интернете в качестве виртуальной личности вначале фигурировала Мэри Шелли, а Мерси, по-видимому, результат скрещивания с мужем ее предшественницы — Перси Биши, произошедшего в результате выхода из виртуального пространства и первой “бумажной” публикации.
- ² Пелевин В.О. Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда: Избранные произведения. М., 2003 (далее в тексте ссылки на издание с указанием страницы).
- ³ Точнее, конечно, говорить о художественной концепции связи чисел и человеческой жизни (событий, характеров, друзей и врагов), которую автор создает как бы в соавторстве со своими персонажами и к которой сам В. Пелевин относится в целом издевательски, но все же отчасти сочувственно, что видно хотя бы из последней цитаты.
- ⁴ Роман цит. по: Рсвазов А. Одиночество-12. Роман-fusion. М., 2005 (далее в тексте ссылки на это издание с указанием страницы).